

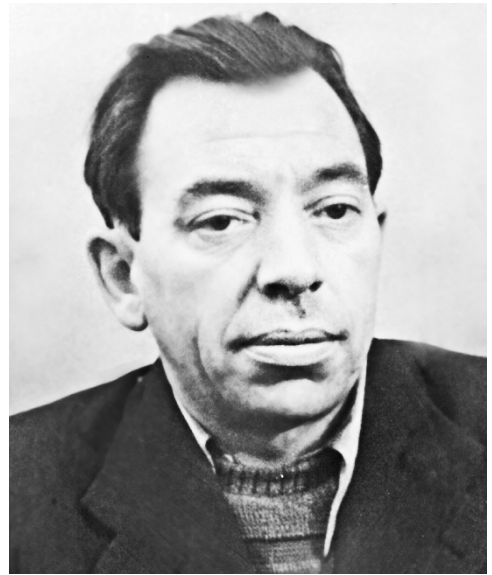
Произведения Ш. публиковались в ж. «Молодая гвардия», «Москва», «Наш современник», «Лит. обозрение», «Вопр. лит-ры», «Нижний Новгород», «Север», «Огонек», «Смена» и др.

Ш. — лауреат Гос. премии РСФСР за роман «Одолень-трава» (1987), лит. премий им. К. Симонова, им. А. Платонова, В. Пикуля, Н. Карамзина, ж. «Наш современник» (1999), Большой лит. премии России (2005). Награжден Золотой медалью В. Даля, почетной грамотой «За вклад в русскую культуру», орденом Сергия Радонежского (2004), заслуженный работник культуры Чувашской АССР (1981), Якутии (1995).

Соч.: Трудное лето. М., 1956; Где ночует солнышко. М., 1962; Первое свидание: рассказы. М., 1963; Кузьминские сады: Рассказы, повесть. М., 1964; Под Полночным солнцем: рассказы. 1968; Одно на всей земле: Рассказы, повесть. М., 1971; Возвратная любовь: повесть. 1972; А вот оно и море: рассказы. М., 1972; Там, за небосклоном: Рассказы, повесть. М., 1974; За все в ответе: Рассказы, повести. М., 1976; Радуга над полем: Рассказы, повесть. 1978; Избранное. М., 1979; Несмолкаемая песня: Рассказы, повесть. Элиста, 1982; Вершина Столетова: Рассказы, повести. М., 1983; Избранные произведения: в 2 т. М., 1985; Одолень-трава. М., 1987; Возвратная любовь: Рассказы, повести. М., 1988; Как слово наше отзовется: Лит. очерки. М., 1980; Мысль и речь: очерки. 1986; В начале было слово: Летопись праздника письменности. М., 1995; Вещие сны Ивана Соболева: Рассказы, очерки. М., 2000; Славянский ход: очерки. М., 2003; Золотые ворота: Рассказы, повесть. М., 2004; Сошлись трое русских. М., 2005.

Лит.: Солоухин В. О доброй земле и Красном солнышке // Лит. газ. 1962. 15 нояб.; Ананьева Т. Жизнь в трех измерениях // Москва. 1970. № 7. С. 211–212; Михайлов О. Память сердца: [вступ. статья] // Шуртаков С. Одно на всей земле. М., 1971. С. 4–8; Полторацкий В. // Лит. обозрение. 1976. № 12. С. 45–46; Пустовойт П. Зеленеет древо жизни // Лит. Россия. 1976. 15 окт. С. 7; Осетров Е. Живое чувство Родины: [вступ. статья] // Шуртаков С. За все в ответе. М., 1976; Буханцов Н. Родниковая сила земли // Молодая гвардия. 1979. № 10. С. 293–303; Алексеев М. [вступ. статья] // Шуртаков С. Избранное. М., 1979. С. 3–10; Жиркова Е. Помогите мне, Одолень-трава // Лит. Россия. 1986. 21 нояб. С. 15; Харчев В. Обращение к истокам // Север. 1987. № 7. С. 117–120; Кочетков В. Плодосное поле истории // Наш современник. 1987. № 10. С. 186–188; Редькин В. О судьбах культуры // Волга. 1987. № 11. С. 146–147; Распутин В. Служение лит-ре и Отечеству // Завтра. 1998. № 5. С. 8; То же // Медный всадник. СПб. 1998. № 1. С. 78–79; Медведев Ю. Прежде чем грянуть «Многая лета...». К 85-летию Семёна Шуртакова // Лит. газ. 2003. № 4. С. 12.

Д. В. Коржов

И. П. Шухов

ШУХОВ Иван Петрович [18(31).7.1906, ст. Пресновская Петропавловского у. Акмолинской губ.— 30.4.1977, Алма-Ата] — прозаик, публицист, переводчик.

Родился в большой казачьей семье, жизнь которой была связана с тяжелым трудом. Отец, Петр Семенович, был гуртоправом. «Всем, что во мне есть хорошего — в человеке и литераторе, — обязан я моим неграмотным родителям, в первую очередь — моей матери», — признавался Ш. в зрелом возрасте (см.: Курова К. — С. 14). Образование ограничилось церковно-приходской школой, оконченной еще до революции (1914–17), Петропавловским педагогическим техникумом (1918–24) и рабфаком в Омске (1925–26). Высший лит.-худож. ин-т им. В. Я. Брюсова (Москва), куда Ш. поступил в 1927, вскоре закрылся. Однако постоянное самообразование, активная работа в периодической печати (газ. «Советская Сибирь», «Уральская областная крестьянская газета», «Красная Башкирия», «Волжская коммуна» и др.) расширяли кругозор, помогали приобрести лит. опыт. В 1930 переехал в Москву, вошел в редакцию газ. «Сельскохозяйственный рабочий» (ранее «Батрак»).

Творческое призвание Ш. обнаружилось рано. В 1918–24 публиковал стихи в газ. «Юный степняк». По словам А. Алдан-Семенова, Ш. рассматривал стихотворство как своего рода тренировку, «чтобы научиться писать прозой» (См.: Устинов А. — С. 19). О значении своей журналистской деятельно-

сти Ш. писал: «К литературе я пришел от газеты. Работа в краевой печати Сибири и Урала (я работал разъездным корреспондентом) дала мне очень много в смысле тематического обогащения, в тренировке глаза и уха, в развитии наблюдательности, в подборе, сортировке и осмысливании фактов и в обобщении их» (Шухов И. За высокое идейно-художественное качество // Рост. 1932. № 8. С. 11).

В отношении лит. дебюта Ш. имеются две версии. А. Устинов называет рассказ «**За Альховской**» в «Ж. крестьянской молодежи» в 1925 (Устинов А.— С. 19). А. Вулис ссылается на расцениваемый самим Ш. как лит. дебют рассказ «**Перекрестки дорог**» в «Крестьянском ж.» (Москва) (Вулис А.— С. 8).

Однако подлинное рождение писателя произошло с выходом первых двух романов — «**Горькая линия**» (1931) и «**Ненависть**» (1932), которые сразу были замечены критикой и восприняты ею как произведения сложившегося писателя.

Большое значение для писателя имел одобрительный отзыв М. Горького. «Читая „Горькую линию“, получаешь впечатление, что автор — человек даровитый, к делу своему относится вполне серьезно, будучи казаком, находит в себе достаточно смелости и свободы для того, чтоб изображать казаков с беспощадной и правдивой суровостью, вполне заслуженной ими... Когда читаешь Вашу книгу — чувствуешь, что Вы как будто были непосредственным зрителем и участником всех событий, изображаемых Вами, что Вы как бы подслушали все мысли. Поняли все чувствования всех Ваших героев. Вот это и есть подлинное, настоящее искусство изображения жизни силою слова» (Горький М. СС: в 30 т. Т. 30. С. 339). Поддержка Горького имела особое значение для Ш. «Позднее об этом первом моем романе было напечатано немало развернутых критических статей в прессе,— писал он.— Но ни одна из них не дала мне того, что получил я от этого сравнительно небольшого горьковского письма, сыравшего во всей моей дальнейшей литературной практике огромную роль в смысле дальнейшего роста как писателя» (СС: в 5 т. Алма-Ата, 1983. Т. 5. С. 463).

Публикация романов, разделенных всего лишь одним годом, давала критике основное отметить большой творческий рост писателя и к тому же позволила рассматривать их в совокупности, как масштабное целостное художественное повествование о судьбах сибирского казачества в пред- и послереволю-

ционную эпоху. «Оба вместе они составляют неразрывную цепь и являются историко-художественными документами двух эпох»,— утверждал критик (Кириянов С. Иван Шухов // Красная новь. 1933. Кн. 4. С. 198).

«Путь от „Горьчей линии“ к „Ненависти“ — путь роста мировоззрения автора»,— констатировал М. Овчинников (Овчинников М. Творчество Ив. Шухова. По романам «Горькая линия» и «Ненависть» // Молодая гвардия. 1932. Кн. 6. С. 128). «Если на „Горьчей линии“ еще лежит отпечаток незрелости писательской культуры Ш., то „Ненависть“ — более зрелое художественное произведение: здесь нет той рыхлости композиции, которую мы наблюдаем в „Горьчей линии“, образы более четкие»,— отмечал С. Кириянов (Кириянов С.— С. 203).

«Если в „Горьчей линии“ подчас материал владеет автором, то в „Ненависти“ автор уже властвует над материалом. Если для „Горьчей линии“ характерны разбросанность, расплывчатость, переходящие порой в сумбурность, то в „Ненависти“, наоборот, мы можем наблюдать большую отделанность, четкость, сработанность отдельных частей. Если в „Горьчей линии“ Ш. только смутно намечает истоки ненависти, то в „Ненависти“ он дает ее эволюцию, анализирует зарождение ее. Он стремится показать, как из смутного чувства ненависти переходит в сознание»,— писала Г. Колесникова (Колесникова Г. Два романа о классовой борьбе (Творческий путь Ив. Шухова) // Октябрь. 1932. Кн. 5. С. 247).

Основной темой романов Ш. избирал кульминационные для судеб сибирских казаков события кануна Великой Октябрьской революции, необычайно обострившей социальные противоречия, и коллективизации, поставившей земледельцев перед жестким выбором новых форм жизни. К тому же драматизм изображаемых Ш. событий, происходивших на окраине Российской империи — в родных для писателя местах, усугублялся межнациональной враждой. Писатель показывает противоречивую сущность сибирского казачества, причины которой заключаются в специфических условиях, с одной стороны, колонизатора и жандарма степного края, с другой — укорененного в местный быт жителя, пахаря, а также социальное расслоение в его среде.

Тематика романов Ш. позволила критикам поставить их в один ряд с такими произведениями, как «Тихий Дон» и «Поднятая целина» М. Шолохова, «Станица» и «Разбег» В. Ставского, «Бруски» Ф. Панферова, «Ледолом» К. Горбунова, «Кочевники» Н. Тихо-

нова, «Хлеб» В. Киршона и др. Особенно часто проводилась параллель между творчеством Ш. и Шолохова.

Жизненный опыт Ш., тематика его произведений, характеры персонажей в определенной мере позволяли рассматривать творчество писателя в соотношении с худож. опытом автора «Донских рассказов», «Тихого Дона» и «Поднятой целины». Одним из первых на идейно-худож. близость романов указал М. Горький (Горький М. СС: в 30 т. Т. 27. С. 69). Впоследствии такой подход был обозначен Ф. Абрамовым (См.: Народ в „Поднятой целине“ М. Шолохова // Шолохов Мих. Собр. статей. Изд-во ЛГУ, 1956).

А. Устинов утверждал, что хотя Шолохов и Ш. сближает то, что они оба принадлежат одному поколению, что «Поднятая целина» и «Ненависть» писались в одно время, по горячим следам событий, однако видеть какое-либо литературное влияние Шолохова на Ш. было бы натяжкой. При этом исследователь обнаружил «общие приемы словесного изображения, какими пользуется Ш., у Вс. Иванова в его ранних рассказах и у П. Васильева, хотя сравнение прозаической ткани с поэтической весьма условно. Однако и эти аналогии — не вывод о влиянии. Все дело в том, что творчество этих художников базировалось на одинаковом социально-этнографическом материале» (Устинов А.— С. 9).

Показанное в «Горькой линии» социальное расслоение проживающего на окраине империи казачества, усугубляемое межнациональными противоречиями среди русских и казахов, худож. обоснование неизбежности революционных потрясений, классовой борьбы, казалось близким к шолоховской тематике. Ш. рисует вызревание стихийного социального протеста в крестьянской среде, который затронул всех жителей станицы. Главного персонажа романа Федора Бушуева, путь в революцию которого был особенно сложен, противоречив в силу его принадлежности к крепкой казачьей семье, критик С. Кирьянов сопоставляет с Григорием Мелеховым (Кирьянов С.— С. 201). Это характерно и для «Ненависти» (1932), где нашла отражение борьба за новую, основанную на коллективистских началах жизнь в деревне. Начальный этап коллективизации обнаружил сумятицу в умах сельской бедноты, предрассудки, которые преодолевались с большим трудом.

В романе «Ненависть» изображена борьба за право на существование двух колхозов. Один из них — «Интернационал», обе-

дияющий крестьян разной национальности. Его возглавляет Роман Каргополов, бедняк «без роду, без племени», в раннем детстве потерявший отца. Теперь же, вернувшись со строительства Турксиба, «вооруженный опытом пролетариата», он намерен строить в деревне новую жизнь. И хотя в этом колхозе не все складывается гладко, его успехам всячески противодействуют социальные враги, тем не менее Роман Каргополов и его единомышленники Мирон Викулыч, Проня Скориков, Фешка, Аблай убеждаются в преимуществах новых форм жизни, утверждают новые общественные отношения в деревне. Другое хозяйство — «Сотрудник революции» — оказывается лжеколхозом. В нем под началом классового врага Иннокентия Окатова обосновались «кулаки-мироеды» Епифан Окатов, Лука Бобров, всячески мешающие преобразованиям деревни.

Критикой отмечалась как большая худож. удача Ш. его умение создать яркие, живые характеры героев (Зосим Никонич Бушуев в «Горькой линии», Фешка, Линка — в «Ненависти»), хорошее знание уклада жизни и психологии казаков и степных кочевников. Г. Колесников обращает внимание на «яркие, сочные образы, импрессионизм, большую непосредственность, сочность колорита, красочность пейзажа», указывает на влияние киргизского народного эпоса на стиль писателя. «У Шухова есть какая-то особая своя специфика, свой колорит. Особенно бросается в глаза импрессионизм Шухова. У него вся природа окрашена в разные цвета... У него имеют окраску вещи и предметы... Степь Шухова насыщена звуками». Критик находит у Ш. сходство с «Землей» Довженко. «Здесь тот же пантеизм, то же языческое преклонение перед силами природы, то же воспевание ее могущественности... Радость жизни, опьянение этой радостью — один из основных мотивов в творчестве Шухова. У него есть страницы, когда чувствуется, как полно и интенсивно бьется пульс этого человека» (Колесникова Г.— С. 254–255).

В критических откликах уделялось внимание не только положительной оценке романов, росту художественного мастерства автора, но и значительным, с точки зрения рецензентов, просчетам писателя.

В 1932 писатель возвращается в родную Пресновку. Отдаленность от лит. центров не препятствует активной творческой деятельности. В 1934 Ш. становится участником I Всесоюзного съезда советских писателей. С 1963 постоянно живет в Алма-Ате. Однако

самыми плодотворными в творческой жизни Ш. оставались 1930-е. Помимо «Горькой линии» и «Ненависти» в то время были написаны романы «**Родина**» (1933), «**Поединок**» (1934), по мотивам «Ненависти» снят фильм «**Вражьи тропы**» (1936) и созданы пьесы «**Заговор мертвых**», «**Беглый огонь**» (1938). В 1940 вышел роман «**Действующая армия**».

В годы Великой Отечественной войны Ш. занимался публицистикой. Особое значение писатель придавал роли сибирского казачества в борьбе с врагом. Публицистику этого периода, написанную по впечатлениям от поездки на фронт, А. Вулис поставил в один ряд с лучшими образцами советской публицистики военных лет — А. Толстого, М. Шолохова, Л. Леонова, И. Эренбурга (Устинов А.—С. 31).

В последующее время (1946–63) в печати («Звезда Востока», «Простор» и др.) появлялись главы из романов «**Метель**», «**Сороковые годы**», которые так и не были закончены. В 1949 Ш. заново переработал роман «**Горячая линия**», а в 1957 — роман «**Ненависть**». Изменения автора коснулись языка, композиции, сюжетной линии. Были введены новые персонажи, изменены имена некоторых героев. Кроме того, в текст произведений вошли главы из др. романов — «**Родина**» и «**Действующая армия**».

В эти же годы Ш. увлеченно пишет об освоении целины — две книги очерков «**Покорители целины**» (Молодая гвардия, 1955) и «**Золотое дно**» (1957).

В конце 1950-х писатель уделяет внимание международной тематике (публицистические книги «**Дни и ночи Америки**», «**Дыхание Адриатики**»).

Последние годы писатель работал над «**Пресновскими страницами**».

Ш. дважды награждался орденом Трудового Красного Знамени (1955, 1966). В 1976 был удостоен ордена Дружбы народов.

Соч.: СС: в 5 т. Алма-Ата, 1981–83; СС: в 2 т. / вступ. статья А. Устинова. М., 1990; Горькая линия: роман. М., 1932; Ненависть. М., 1932; Горькая линия: роман. Алма-Ата, 1940; Действующая армия: роман. Алма-Ата, 1940; Ненависть: роман / вместо предисл. С. Муканов «Иван Шухов и его романы». Алма-Ата, 1948; Горькая линия: роман. Алма-Ата, 1949; Облик дня: очерки. Алма-Ата, 1950; Избранное / предисл. С. Муканова. Алма-Ата, 1952; Покорители целины: очерки. М., 1955; Избранное: в 2 т. Алма-Ата, 1956–58; Золотое дно: Рассказы и повести. М., 1957; Ненависть: роман. М., 1957; Степные будки: Очерки о людях степного края. Алма-Ата, 1958; Ненависть: роман. М., 1959; Дни и ночи Америки: Записки читателя. Алма-Ата, 1961; Избранное: в 2 т. / предисл. М. Шаталина. Алма-Ата, 1962; Ненависть: роман / предисл. А. Высоцкого. Новосибирск, 1962; Избранное: в 4 т. Алма-Ата, 1963; Родина и чужбина: Повести, рассказы, очерки. Алма-Ата, 1968; Горькая линия: роман. М., 1969; Ненависть: пьеса: в 11 картинах. М., 1970; Избранное: в 2 т. Алма-Ата, 1974; Пресновские страницы: Повести, рассказы, очерки. Алма-Ата, 1975; Избранное: в 2 т. Алма-Ата, 1978; Ненависть: роман. М., 1978; Пресновские страницы: повесть. Алма-Ата, 1980.

Лит.: Воспоминания об Иване Петровиче Шухове: сб. Алма-Ата, 1979; Курова К. С. Иван Шухов: Очерк творчества. 2-е изд., перераб. и доп. Алма-Ата, 1981; Усенбекова С. С. Наблюдения над лексикой романа И. П. Шухова «Ненависть». Семантико-стилистический аспект: Автореферат на соискание ученой степени канд. филол. наук. Алма-Ата, 1981; Устинов А. Художник шолоховской школы // Шухов И. СС: в 5 т. Т. 1; Шухов И. И. Слово об отце: Воспоминания о писателе Иване Петровиче Шухове // Шухов И. И. Дорога к дому. Алма-Ата, 1988; Вулис А. Творчество Ивана Шухова // Шухов Ив. Горькая линия. М., 1969.

Т. В. Савинкова

ЩЕПКИНА-КУПЕРНИК Татьяна Львовна [12(24).1.1874, Москва — 27.7.1952, Москва] — прозаик, поэт, драматург, переводчик, мемуарист.

Родилась в семье киевского адвоката. Прадедом Щ.-К. по материнской линии был знаменитый актер М. С. Щепкин, и свое лит. имя писательница составила из двух фамилий — материнской и отцовской. После раз-

вода родителей жила с отцом в Киеве, в 1891 окончила киевскую гимназию и переехала к матери в Москву, где поступила на сцену Московского частного театра Ф. А. Корша. Оказавшись в центре театральной, лит. и худож. жизни Москвы, познакомилась с М. Н. Ермоловой, Ф. И. Шаляпиным, И. Е. Репиным, М. Горьким, А. П. Чеховым. Попробовав себя в роли актрисы, в 1892 начала пи-